

НАКАНУНЕ СТОЛЕТИЯ ПОЭТА

С заседания комиссии
по литературному
наследию Б. Л. Пастернака

19 ФЕВРАЛЯ СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ОТМЕНИЛ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ПРАВЛЕНИЯ СП СССР 1958 ГОДА ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА ИЗ ЧЛЕНОВ СП СССР. А НЕКОЛЬКИМИ ДНЯМИ РАНЕЕ СОСТОЯЛОСЬ ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ Б. Л. ПАСТЕРНАКА.

ВОТ ЧТО РАССКАЗАЛИ КОРРЕСПОНДЕНТУ «ЛГ» ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ И ЧЛЕН ЭТОЙ КОМИССИИ, ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В. КАВЕРИН.

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

Решение секретариата — событие радостное и скорбное. Оно стало возможным лишь в нынешние дни, это победа нового мышления. За несколькими строками видится мир Бориса Пастернака, этот бескрайний материк культуры — почти нет ни одной сферы духовной, которой бы не касался великий художник: поэзия, проза, эссеистика, философской глубины письма, стихия музыки, грузинские переводы, русскоязычный «Фауст» и почти полностью переведенный Шекспир. Наследие его энциклопедично...

Четырнадцатилетним школьником я пришел к поэту со стихами и в течение последующих четырнадцати лет общался с ним, порой еженедельно. Это было счастье духовной высоты и страшный шок от исключения его из СП и последующих событий — все это повлияло на меня, как на человека и поэта.

В составе комиссии по наследию Б. Л. Пастернака — такие уникальные деятели отечественной культуры, как академик Д. С. Лихачев, не раз помогавший судьбе его произведений, А. М. Леонов, Михаил Ульянов. Это Святослав Рихтер, под чьими гениальными пальцами рыдал Шопен с клавиатуры нейгаузовского рояля во время похорон поэта в Передел-

кине. «Шопена траурная фраза вливается, как больной орел», — она плыла над тысячной толпой прощавшихся, среди которых так печально мало было писателей. Увы, это был пример бытовавшего тогда двоедушия, «двойного счета», когда иные восторженно шептались о поэте дома, но клеймили его с трибуны и не решились даже проститься.

Первое заседание комиссии состоялось 12 февраля, два дня спустя после дня рождения поэта. Его юношеский портрет работы отца был увит свежими грузинскими розами. Каждый говорил глубоко и выстраданно. Горячо звучали выступления Е. Евтушенко, Р. Рождественского, В. Коротича, К. Ваншенкина, И. Абашидзе, А. Кушнера, В. Каверина, Е. Сидорова, Ал. Михайлова, Е. Б. Пастернака, В. Иванова, Л. Озерова, Ст. Лесневского, И. Антоновой, В. Амлинского, А. Урбана, Д. Данина, В. Новикова. Их любовь к поэту не была платонической — рождались конкретные предложения. Звучала единодушная нота: необходимо отменить постановление 1958 года об исключении Б. Л. Пастернака из членов Союза писателей. Это и стало первым пунктом решения комиссии по литературному наследию. Р. Рождественский сказал: «Писатели в свое время заварили эту кашу, им и расхлебывать сейчас». За-неудививший В. Быков передал по телефону, что он двумя руками голосует за

отмену исключения поэта, за публикацию его романа «Доктор Живаго», за создание музея в Переделкине. Те же мысли выразил Д. С. Лихачев: «Прошу учесть мое настойчивое пожелание как председателя правления Советского фонда культуры...» С. Залыгин прислал письмо, в котором сообщил, что «Новый мир» планирует печатать «Доктора Живаго» с января 1988 года. Д. Гранин предложил, чтобы одновременно с журнальной публикацией, не дожидаясь собрания сочинений, появилось отдельное издание романа.

Думаю, что история с романом «Доктор Живаго», послужившая поводом для исключения, являет собой пример эпохи забвения гласности, когда люди должны были клеймить произведение, не прочитав его. Между тем народ наш, в основном родившийся после революции, выстоявший в войну, имеет право читать все и самостоятельно судить обо всем. Нам, вдохнувшим воздух гласности, трудно поверить, что большинство откликов сводилось к мнению: «Я роман Пастернака не читал, но считаю...». Думаю, что опубликование романа вызовет у многих недоумение: за что отлучали? Это поэтический роман, психологическая автобиография. Юношей я прослушал все его страницы из уст автора, когда он по частям читал их своим друзьям — Вс. Иванову, А. Ахматовой, С. Рихтеру, Г. Нейгаузу, В. Асмусу... Страницы пронзают тончайшая музыка чувства. В одном из писем 1948 года Пастернак писал: «Этот герой должен будет представлять нечто среднее между мной, Блоком, Есениным и Маяковским, и когда я теперь пишу стихи, я их всегда пишу в тетрадь этому человеку, Юрию Живаго».

Помню, мне довелось в журнале опубликовать стихотворение «Гамлет» из этого романа, вставить его в статью о переводах. Все, что принадлежит перу Пастернака, должно быть опубликовано. Особенно дорога его переписка, она составляет тома. Его письма к О. Фрейдбергу и Р. Швейцеру драгоценны. В письмах поэт предстает философом на уровне ведущих русских философов. Именно ныне нам необходимо это общечеловеческое осмысление мира, духовность не на уровне отрывного календаря. В нашей борьбе за духовное обновление, поиске корней застоя не забудем слов поэта: «Главной бедой, корнем будущего зла была утрата веры в цену собственного мнения. Стало расти эластичество фразы».

Дни общения с Б. Л. Пастернаком я описал в своих воспоминаниях «Мне четырнадцать лет», публикация которых в хмурые времена была остановлена, и редакции «Нового мира» с трудом удалось отстоять их. Нам еще предстоит написать коллективный портрет Пастернака — задуман сборник воспоминаний о нем.

В решении комиссии по литературному наследию Б. Л. Пастернака четырнадцать пунктов. Первый принят секретариатом правления СП СССР. Среди других отмечу: обратиться в секретариат правления СП СССР с просьбой об издании «Доктора Живаго», о выпуске полного собрания сочинений, создании дома-музея поэта в Переделкине; проведение Пастернаковских чтений с участием деятелей как отечественной, так и мировой культуры (первые чтения провести 30 мая 1987 года), организация экспозиции «Мир Пастернака», подготовка к юбилею в 1990 году — с предложением в ЮНЕСКО объявить год столетия поэта годом Пастернака, факсимильное издание книги «Сестра моя — жизнь», мемориальное увековечение — присвоение имени Пастернака улице, скверу... Дел много. Все это становится возможным ныне. И единогласное решение секретариата об отмене постановления 1958 года — пример того, что «невозможное возможно». Говоря о Пастернаке, выступавшие вспоминали и о судьбе А. Ахматовой и М. Зощенко.

В. КАВЕРИН:

Союз, в котором я много лет энергично работал когда-то, ныне шадит мои пожилые годы и по моей просьбе лишь изредка приглашает на те или иные собрания. Но на это заседание я не мог не приехать. Необыкновенное заседание, на многих бывал, но такого не припомню. Расцениваю его как событие в нашей жизни. Оно в полной мере соответствовало ожидаемому мною признаку обновления, действительного поворота дел в лучшую сторону, сторону справедливости, демократичности. Это было с такой очевидностью практически осуществлено на заседании, что я вернулся домой взволнованный, окрыленный и даже попытался записать то, что услышал там. Атмосфера разговора убедила меня, человека, который много лет работает в литературе и сожалеет о некоей разобщенности, характерной для нашей писательской жизни, что эта разобщенность может постепенно сойти на нет. Такого рода единство взглядов по поводу некоторых наших замечательных художников способствует связанности друг с другом, большому чувству локтя. Создавая вокруг себя поле огромной духовной силы, они притягивают нас к себе и нас друг к другу. А это, по-моему, очень важное обстоятельство.

А. Вознесенский, энергией которого комиссия по наследию Б. Л. Пастернака приведена в движение, уже рассказал о главных моментах первого заседания. Я бы хотел еще отметить выступление Ст. Лесневского. Он говорил, что нужно рассказать народу обо всем, что сделал Б. Л. Пастернак для нашей литературы, о воплощении им образа В. И. Ленина, о том, что он создал эпос революции и как это

было оценено Горьким, как любил его Маяковский. О том, что Пастернак — один из основателей Союза писателей, участник Международного конгресса писателей в защиту мира, о том, как проявилась его преданность Родине в годы Великой Отечественной войны. Он всегда шел навстречу новому и горел желанием в тех формах, которые ему свойственны, участвовать в жизни народа. В чрезвычайно тяжелой обстановке, сложившейся вокруг него, он вел себя с поразительным достоинством. К тому, о чем так пылко и убедительно говорил Ст. Лесневский, я мог бы прибавить свои доказательства и аргументы, потому что был хорошо знаком с Б. Л. Пастернаком, много думал о его судьбе и даже пытался помочь ему в свалившихся на него потрясениях.

Я всегда смотрел на него снизу вверх, всегда видел в нем гениального поэта. Рассказывать о Б. Л. Пастернаке очень трудно — все равно что рассказывать о музыке. Встречи с ним — особая страница в моей жизни, без которой она была бы намного бедней. Познакомился с ним я в 1926 году, когда приезжал из Ленинграда в Москву. А в 1947 году я поселился в Переделкине и стал бывать на его даче, но еще чаще мы виделись на прогулках по тихим местам поселка. Я очень надеюсь, что мне удастся снова посидеть в этом доме, в музее, где будет восстановлена обстановка — я прекрасно ее помню, — которая была при Б. Л. Пастернаке. Об открытии там музея говорили с трибуны писательского съезда и А. Вознесенский, и Е. Евтушенко, и Д. С. Лихачев. Я не выступал на съезде, но если бы взял слово, то непременно тоже сказал бы об этом, как и о необходимости издать полное собрание сочинений Пастернака. Из его дома, который читатели знают по фотографии на обложке книги «Воздушные пути», видно переделкинское кладбище, где он похоронен, с его могилы виден его дом. Я часто бываю на могиле Бориса Леонидовича. Там всегда цветы. Их кладет народ. Он — народный писатель. И похороны его были народные. Я сейчас закончил воспоминания «Проводы» и предложил эти мемуары журналу «Знамя».

Много лет я председательствую в комиссии по литературному наследию Ю. Н. Тынянова и хорошо знаю, какая это серьезная, трудная работа. И длительная — дело не одного дня. Чтобы литературное наследие действительно было восстановлено, надо много, очень много потрудиться. На заседании я предложил устраивать в доме Бориса Леонидовича раз в два-три года Пастернаковские чтения, с тем чтобы потом доклады, прозвучавшие там, вошли в специальные выпуски по типу тыняновских, которые встретили полное одобрение в литературных кругах. Первое заседание пастернаковской комиссии внушает веру, что намеченное будет осуществлено.

Интервью вел Ирина РИШИНА